

Библиография

- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М. Псковские поозеры // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 3–52.
- Гроздилов Г.П. Археологические памятники Старого Изборска // Археологический сборник. 1965. Вып. 7. Л., 1965. С. 65–88.
- Марк К.Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. Нов. сер. 1956б. Т. 32. С. 170–227.
- Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской Земли по данным антропологии. СПб., 2000.
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Хартанович В.И., Чистов Ю.К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 74–105.

И.К. Федорова

МАРКИЗСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ)

Ранних материалов, изображающих жизнь маркизцев до того, как ее коренным образом изменили европейцы, крайне мало. Эндемичная культура жителей Маркизских островов рухнула в первой четверти XIX в. К моменту становления научной антропологии и этнологии XX столетия от старой культуры осталась только память, сохраненная устной традицией или в отдельных заметках ранних мореплавателей. Дефицит полевых материалов затруднял работу антропологов и этнографов, вынужденных брать за основу краткие и часто сомнительные рассказы поздних информантов. Этнографических предметов, достоверно относящихся ко временам первых мореплавателей, посетивших эти острова, также немного.

Коллекция Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР по Маркизским островам состоит из 44 предметов. Большая часть из них собрана участниками первой российской кругосветной экспедиции под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806) на южном берегу острова Нуку-Хива (в бухтах Таиохаэ и, возможно, Хакауи) в 1804 г.

Участник плавания, посол в Японию камергер Н.П. Резанов, имевший «попечение о собрании вещей редких и любопытных для Императорской Кунсткамеры», дал своему подчиненному, приказчику Российско-Американской компании Ф.И. Шемелину письменный «Ордер»: «Поручаю вам выменивать для Императорской Кунсткамеры все, что ни приметите достойного уважения и любопытства, стараясь приобретать сии мелочи в двойном и тройном числе, дабы между тем сделать собрание и для Главного Правления Американской Компании на память столь знаменитого путеше-

ствия попечением и стараниями сей Компании предприятаго». 27 апреля 1804 г. на корабле началась всеобщая торговля с маркизцами, подплывавшими с берегов бухты Таохоаэ. Провизию покупали назначенные капитаном доктор К.Ф. Эспенберг и лейтенант Ф.И. Ромберг, которые, «не давали возможности другим с островитянами торговаться», остальные офицеры и пассажиры «со шканцов, со шкафуту, с носу и кормы, окликаая, останавливали тех диких, кои имели при себе какая-нибудь продажныя безделицы, иногда одна вещь нравилась двоим или троим вместе, и ни которому не хотелось, чтобы та досталась в руки другому, удивительно и странно было смотреть на таковое разгорячение: за 5 или за 6 каких-нибудь раковин небольших, за пращу или две обделанныя раковины, которых дикия в ушах своих носят, охотно давали железо и вещи хорошо выработанныя из оного, как то маленькия долотца, молотки разной величины с одной стороны топориком и перочинныя ножички. А когда раковины покрупнее или другое что ни будь получше, то не щадили и больших Англинских ножей».

Приказчик Шемелин был не в чести у офицеров, его оттеснили, и он «в покупке сего дня ничего не успел, лучшими вещами наполнились кабинеты Крузенштерна и любимца его Доктора Эспенберга, капитанская каюта имела в себе вещи, состоящие из военного оружия всякаго рода; отменно чисто и из лучшего дерева выделанныя и такія, которых нельзя достать у диких не только лучше, но и подобных тем, а у Эспенберга касающиеся до анатомии, черепы голов человеческих, украшенных по местам перламутром, и друга многія вещи любопытства достойныя» [Шемелин, Ф. IV. 59/1, Л. 25 об. — 130 об.].

У Лисянского на «Неве» была примерно та же картина, видимо, не зря горевал прикомандированный к нему приказчик Н.И. Коробицын [1944, 168]: «Скольки ни было выменено на разные железные компанейские вещи, как то: железо, ножи и топоры, но все почти лучшие вещи присвоены капитаном Лисянским в собственность».

Камергер Резанов умер, не доехав до Петербурга; куда передали купленные им для Кунсткамеры диковины — неизвестно (может быть, они до сих пор хранятся в Красноярске, как и его японская коллекция), а моряки подарили свои сборы Музею Адмиралтейского департамента (ныне ЦВММ). После своей реорганизации в 1826 г. Музей передал их Кунсткамере, и они вошли в коллекцию № 736, объединяющую привозы первых русских мореплавателей из Австралии, Полинезии, Микронезии и Меланезии [Соболева 1995; Описи коллекций... Д. 762].

Изучая коллекции МАЭ, Л.Г. Розина [1963] провела параллели между экспонатами коллекции № 736 и изображениями маркизских вещей из «Собрания карт и рисунков, принадлежащих к путешествию Ю. Лисянского на корабле «Нева» [Лисянский 1812], т.е. привезенных Ю.Ф. Лисянским с Нуку-Хивы.

Коллекция № 750 также состоит из вещей, привезенных Лисянским с Маркизских и Гавайских островов. Ряд предметов поступил в МАЭ позднее

в составе коллекций № 1104, 3757, 5449 и 5754. В советское время в МАЭ было передано более 500 недокументированных предметов из Южных морей. Среди них также могут присутствовать вещи, собранные участниками ранних российских кругосветных плаваний [Соболева 1995: 228-229]. В экспедиции на «Надежде» и «Неве» участвовало 126 человек — офицеров, унтер-офицеров, матросов и пассажиров, и каждый из них мог выменять для себя какие-то «диговинки», потом долгое время хранившиеся в семьях.

И по приведенной цитате Шемелина, и по составу самой коллекции видно, что участники плавания (не будучи этнографами) приобретали самые выигрышные с их точки зрения предметы — красивые палицы, экзотические инкрустированные черепа, оставляя в стороне бытовые предметы — посуду, одежду и т.д. Поэтому маркизские вещи, привезенные участниками первой российской кругосветной экспедиции, отражают не все стороны жизни аборигенов. Их можно разделить на пять групп: оружие; атрибуты власти; весла и рыболовные снасти; украшения и ритуальные предметы; инструменты и утварь. Это деление достаточно условно, например, оружие и украшения полинезийцев одновременно служили атрибутами и знаками ранга вождей и знатных. Вожди, жрецы, знатные всегда отличались от простых общинников одеждой, головными уборами, татуировкой. В этой небольшой статье рассматриваются два вида маркизских украшений из коллекций МАЭ.

Маркизское общество делилось на вождей *аики*, *хакаики*; жрецов и мастеров *тауа*, *тухуна*, воинов *тоа*, свободных общинников *матаеина(н)а*, живших на собственных участках земли, и так называемых слуг, данников *ваи-ноа*, *пахикаео*, *кикино*. Каждую долину возглавлял вождь *аики*, три-четыре долины, лежавшие возле бухты, объединялись под властью верховного вождя *хакаики*. В долинах на южном берегу Нуку-Хивы у бухт Таио-хаэ, Хоуми и Хакауи жило по три тысячи воинов [Langsdorff I, 1813: 105]. Головной убор, главный атрибут верховного вождя, подчеркивал его величие, особую красоту ему придавали перья морских птиц, фрегата или фатона. Маркизские, мангаревские, рапануйские, раротонганские вожди носили роскошные перьевые венцы и сложные каркасные сооружения из перьев.

У маркизцев существовало несколько видов перьевых головных уборов: диадемы *тааваха* из черных петушиных перьев, *хеикуа* из красных перьев петуха, перьевые украшения в форме козырька — *пеуе*, головные уборы из перьев горлицы *куку* — *пае куа*. Венцы *тааваха*, перья которых крепились на выгнутой дугой прутиках, напоминали большие веера. Их носили не только вожди, но и жрецы.

Жрецы на Маркизских островах, как и на Таити, острове Пасхи, Мангареве, Тонгареве, были близки к верховному вождю по происхождению и по рангу; вожди могли быть и жрецами или исполняли ряд их функций. Атрибуты и украшения жрецов указывали на их статус. Маркизские жрецы *тауа* делали нечто вроде шапочки из ветви кокоса — черенок на лбу, а концы

листьев связаны на затылке. Портрет жреца в такой шапочке приведен в атласе Крузенштерна [Krusenstern 1814]. Во время церемоний они носили венцы *тааваха*, а на шею — венок из расщепленной ветви кокоса, ее листья спускались им на спину и на грудь [Vincendon-Dumoulin, Desgraz 1843: 229-230]. Э. Робартс, англичанин, живший на Маркизских островах в 1799-1806 гг., видел на Хива-Оа в главном святилище *ме'ае* жреца и его двух помощников: «На головах у них были широкие веера из черных перьев петушиных хвостов» [Robarts 1974: 77].

Один из двух венцов *тааваха*, хранящихся в МАЭ, можно атрибутировать как вещь, привезенную Лисянским, он изображен в его «Собрании...» [1812. Л. 2, А]. Правда (видимо, по ошибке гравера) он помещен на листе 2, среди гавайских предметов и с подписью, что это гавайский головной убор. Но по виду и размерам он соответствует предмету из колл. № 736-227. Этот *тааваха* из черных хвостовых петушиных перьев сделан из двух частей, похожих на веера. Перья каждой части примотаны к выгнутому дугой прутку плотными витками тонкого кокосового шнура. Между собой перья скреплены веревочкой, почти незаметно провязывающей каждое перо двумя линиями на расстоянии 6 и 15 см от дуг. Обе половины *тааваха* соединены только на концах прутков шнурком обмотки, переходящим в завязки. (Длина прутков 39 см, ширина по кромке перьев 105 см, длина перьев от 25 см (по краям) до 35 см посередине, длина завязок по 19 см каждая.)

Рис. 1. Венец тааваха. МАЭ. Колл. № 736-227.

Второй *тааваха* (колл. № 3757-9) из черных хвостовых петушинных перьев с зеленым отливом. В отличие от предыдущего, ости перьев укреплены между двух изогнутых дугами прутков плотной обмоткой из тонкого кокосового волокна. Между собой перья тоже скреплены тонкой бечевкой. Прутки подломаны посередине, и головной убор хранится сложенным пополам. Вдоль края обмотки к пруткам прикреплен в восьми местах веревочкой из кокосового волокна толстый шнурок из тапы, концы которого служат завязками. Его размеры больше: длина прутков 43 см, ширина по кромке перьев 150 см, длина перьев от 34 см (по краям) до 49 см посередине, длина завязок по 44 см каждая, поэтому соответствовать изображенному Лисянским он не может.

Сочетание венца из петушинных перьев *тааваха* и повязки *ухикана* с черепаховым кружком посередине было знаком вождя или старейшины, на что указывает роль черепахи как сакрального животного на многих островах Полинезии.

Венцы и украшения изготавливали специалисты в различных делах и ремеслах (*тухуна*, *тухука*) так же, как и жрецы, принадлежавшие к привилегированной группе *тану*. Диадемы *тааваха* из черных петушинных перьев делали *тухуна аака тааваха*, венцы *хеикуа* из красных перьев петуха — *тухуна аака хеикуа*, серьги вырезали *тухуна кету путаиата* [Dordillon I, 1931: 410; Robarts 1974: 252-253]. Все эти ремесленники получали за свою работу еду и одежду.

В качестве серег нукухивцы вставляли в уши раковины в 30 г весом, с прикрепленным сзади отполированным клыком борова, небольшие овальные куски хлебного дерева или маленькие ровные деревянные палочки длиной два дюйма [Langsdorff I, 1813: 170-171]. Крузенштерн уточнял: «Уши украшают они большими белыми кругловатыми раковинами, наполненными твердым пещаным веществом, с прикрепленным к оным свиным зубом, который втыкают в нижнюю часть уха, как серьги [Крузенштерн I, 1809: 193]. По конструкции эти серьги напоминают современные «гвоздики», а загнутый свиной клык не давал им выпасть из отверстия.

Лисянский [1812. Л. 1] зарисовал несколько видов маркизских украшений: серьги, ожерелья, подвески. «Все ж вообще носят в ушах, вместо серег, ракушки или тоненькие кусочки дерева; шею украшают ожерельем из свиных клыков, раковин, касаткиных зубов, или просто из дерева, усаженного красными горошинками» [Лисянский I, 1812: 142].

В МАЭ представлена пара раковинных серег (№ 736-183, 184). Из завитков раковины выпилены плоские цилиндры, внутри они заполнены кусочками дерева, в который вставлен шпенок — верхняя половина птичьего клюва в одной серьге и костяная палочка в другой. Шпенок, как гвоздик, продевался в отверстие в мочке уха и закреплялся сзади длинной деревянной палочкой-заглушкой, проходящей через отверстие в клюве (или костяной палочке).

Л.Г. Розина атрибутировала эти серьги по «Собранию...» Лисянского [1812. Л. 1] как рисунок D, что, однако, не соответствует ни виду, ни размерам указанных серег. Серьги на рисунке Лисянского изображают цельные раковины, подобные серьгам, зарисованным В.Т. Тилезиусом [Федорова 2006], а не выпиленные раковинные цилиндры.

В старой этикетке к ним написано: «Костяные серьги, которые носят мужчины Nukahiva Krusenstern Reise, Pl. X». На указанной гравюре в «Атласе» [Krusenstern 1814: X] мы видим эти серьги в ушах изображенного на ней маркизца.

Из большого числа красивых и хорошо сложенных жителей острова Нуку-Хива особенно обратил на себя внимание россиян двухметровым ростом, огромной силой и замечательной пропорциональностью членов и мускулов двадцатилетний житель «залива Тайо-Гое, великой воин и оруженосец, или так называемый на их языке королевской огнезажигатель. Он именуется Маугау [Маухау] и есть, может быть, прекраснейший мужчина, какого когда-либо природа на свет производила» [Крузенштерн I, 1809: 188].

Тилезиус нарисовал портрет Маухау в полный рост [Krusenstern 1814: X]. В Атласе на этом листе стоит надпись «Мужчина острова Нукугивы в испещренном виде», а и на немецком языке просто «Дикарь Нуку-Хивы». То, что на этом рисунке запечатлен именно Маухау, доказывается репликой Крузенштерна [I, 1809: 188], что «Приложенный рисунок представит яснее исполинское, чрезвычайно правильное его телосложение». Другого рисунка нукахивца в полный рост в Атласе Крузенштерна нет.

Маухау, воин *тоа* из Таихоаэ, которого Крузенштерн называет королевским огнезажигателем, был *вахана пекио* (марк. «вторичный муж») в семье нукухивского вождя Катенуе, чей портрет, по рисунку Тилезиуса, также опубликован в Атласе Крузенштерна [Krusenstern 1814, Федорова 2006].

Та же пара серег изображена и на гравюре Г.Г. Лангсдорфа [Langsdorff I, 1812: XII], причем при увеличении хорошо видны трещинки и выбоины, отличающие наши экземпляры, и заметна даже разница в длине шпенок. Можно с уверенностью утверждать, что серьги, первоначально принадлежавшие *тоа* Маухау, были выменены Лангсдорфом или Крузенштерном и привезены в числе предметов, доставленных на «Надежде».

Библиография

Коробицын Н.И. Записки // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX веках. М.; Л., 1944. С. 118-214.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Ч. I-III. СПб., 1809-1812; 2-е изд. М., 1950.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах. Ч. I-II. СПб., 1812; 2-е изд. М., 1947.

Лисянский Ю.Ф. Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию Ю.Ф. Лисянского. СПб., 1812.

Описи коллекций, собранных капитаном Ю.Ф. Лисянским и капитан-лейтенантом П.В. Повалишиным во время первого кругосветного плавания на

шлюпе «Нева» в 1803 г. // РГА ВМФ Ф. 215. Оп. 1. Д. 762. Ноябрь-декабрь 1806 г.

Розина Л.Г. Коллекция МАЭ по Маркизским островам // Сб. МАЭ. Т. XXI. Л., 1963. С. 110-119.

Соболева Е.С. Из истории океанийских этнографических коллекций Морского музея Адмиралтейского департамента (1805-1827) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2-3. С. 220-229.

Федорова И.К., Федорова О.М. Россияне в «Тихом море». СПб., 2006.

Шемелин Ф.И. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара // ОР РНБ. Ф. IV. 59/1.

Dordillon R.I. Grammaire et dictionnaire de la langue des iles Marquises. Т. I-II. Paris, 1931-1932.

Krusenstern A.J. Atlas zur Reise um die Welt. SPb., 1814.

Langsdorff G.H. von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. I-II. Frankfurt/Main, 1812.

Langsdorff G.H. von. Voyages and travels in various parts of the world during the years 1803, 1804, 1805, 1805, and 1807. Т. I-II. L., 1813-1814.

Robarts Ed. The Marquesan Journal of Edward Robarts. 1797-1824 / Ed. By G. Dening. Canberra, 1974.

Vincendon-Dumoulin C.A., Desgraz C. Iles Marquises ou Nouka-Hiva. P., 1843.